

DOI: 10.21779/2077-8155-2019-10-1-65-74

УДК 28: 394.4:
94(470.57)

Содержание статьи

Информация о статье

*Ф.Г. Галиева*¹

Введение
Конфликты интересов
Антирелигиозные праздники
Борьба с калымом и
многоженством
Заключение

Поступила в редакцию: 10.11.2018.
Передана на рецензию: 24.11.2018.
Получена рецензия: 04.12.2018.
Принята в номер: 10.02.2019.

Ислам в Башкирии в контексте революции (по архивным документам и материалам прессы 1920-х гг.)

Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева – обособленное структурное подразделение Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук; afg18@mail.ru

Целью статьи является изучение противоречий в обществе, связанных с установлением советской властью антирелигиозных порядков в жизни мусульман. Источниками для написания статьи стали материалы Национального архива Республики Башкортостан и прессы Башкирской республики послереволюционного времени (газеты «Власть труда», «Красная Башкирия», журнал «Свет»). Объект исследования – тюркоязычное население Башкирии, прежде всего башкиры. В работе освещены 1920-е годы, хотя делаются экскурсы и в наше время. В изучаемый период в Башкирии существовал конфликт интересов между русским партийным руководством и тюркским населением. В результате привлечения национальной молодежи на сторону новой власти возник конфликт поколений. «Советизация» башкирских женщин также привела тому, что их не приняли в традиционном обществе. Для решения своих задач власть воспользовалась не только расслоением общества, но и расколом между мусульманскими общинами, в том числе для навязывания антирелигиозных праздников взамен мусульманским. Последствиями послереволюционного времени являются распространение атеизма и формальное выполнение частью населения предписаний шариата, утрата значительной части просвещенного духовенства.

Ключевые слова: *ислам, революция, Башкирия, мусульманские праздники, красная обрядность.*

DOI: 10.21779/2077-8155-2019-10-1-65-74

UDC 28: 394.4: 94(470.57)

Content of the article

Information about the article

*F.G. Galieva*²

Introduction.
Conflict of interest.
Anti-religious holidays.
The fight against dowry and
polygamy.
Conclusion.

Received: 10.11.2018.
Submitted for review: 24.11.2018.
Review received: 04.12.2018.
Accepted for publication: 10.02.2019.

¹ Галиева Фарида Габдулхаевна – д-р филол. наук, канд. ист. наук, доцент, зав. отделом этнографии ИЭИ УФИЦ РАН.

² Farida Gabdulkhaevna Galieva – Dr. Sc. (Philology), Cand. Sc. (History), Head of the Department of Ethnography at the Institute of Ethnological Research, Ufa Federal Research Centre, Russian Academy of Sciences.

Islam in Bashkiria in the Light of Revolution (by Archival Documents and Press Materials of the 1920s)

R.G. Kuzeev Institute of Ethnological Research, a self-standing structural unit of Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences; afg18@mail.ru

The purpose of the article is to study social contradictions caused by setting antireligious orders in the life of Muslims by the Soviet power. The research is based on the materials of the National archive of the Republic of Bashkortostan and the Bashkir press publications in the years after the Revolution («Vlast Truda», «Red Bashkiria» news papers, «Svet» magazine). The author studies the Turkic-speaking population of Bashkiria, primarily the Bashkirs. The study covers the 1920s, though the present situation is also considered. The author reveals that in the 1920s Bashkiria witnessed a conflict of interests between the Russian party leaders and the Turkic population. As soon as national youth took the side of the new power, a conflict of generations developed. In the same way, the "sovietization" of Bashkir women led to their rejection in the traditional society. To complete their own tasks, the new administration took advantage of both stratification of the society and the split between Muslim communities and substituted a number of Muslim holidays for antireligious ones. The author concludes that the spread of atheism and formal fulfillment of Sharia regulations, as well as the loss of a considerable part of educated clergy are the consequences of those post-revolutionary years.

Keywords: *Islam, revolution, Bashkiria, Muslim holidays, red ceremonialism.*

Введение

В предыдущей публикации автора на страницах журнала «Исламование» [6] рассматривалась современная региональная модель ислама у башкир. Обычаи, связанные с захоронением и установкой надгробных сооружений, свидетельствуют о сохранении доисламских верований. В настоящей статье изучается один из самых драматичных моментов в жизни мусульман Башкортостана – послереволюционный период, когда государственная машина работала на искоренение традиционной веры, навязывала новые порядки, что привело к проникновению атеизма и возникновению советской обрядности.

Для написания работы привлечены материалы Национального архива Республики Башкортостан и прессы Башкирской республики (газеты «Власть труда», «Красная Башкирия», журнал «Свет»). Объектом исследования стало тюркоязычное население Башкирии, прежде всего башкиры. Хронологическими рамками являются 1920-е годы, хотя делаются экскурсы и в наше время. Целью статьи является изучение противоречий в обществе, связанных с установлением советской властью антирелигиозных порядков в жизни мусульман. Научная новизна заключается в том, что впервые изучены использование советской властью конфликта между мусульманскими общинами для решения своих задач, в том числе для замены мусульманских праздников антирелигиозными, другие меры государства, направленные против ислама. В предыдущих работах делался анализ статистики разрушенных мечетей, закрытых религиозных учебных заведений и репрессированных священнослужителей. Так, в республике в 1927 г. было 2414 мечетей, в 1934 году – 323, в 1940 году – 12 [3, с. 507]. Изучены другие меры по внедрению новых порядков в советской Башкирии (законы, суды, прокуратура, работа печатных изданий, создание комсомольских организаций, женсоветов и пр.) [3].

По Всероссийской переписи населения 1926 г., в Башкирии демографическое большинство составляли русские – 39,9 %, башкиры – 23,5 %, татары – 17,7 %, мишари – 5,1 %, остальные народы – 13,7 % [5, с. 310]. Население преимущественно было сельским, занималось земледелием, скотоводством, ремесленничеством. Даже после

нескольких лет индустриального развития (1926 г.) сельчан было 91,1 %, в том числе башкир – 98,1 % [5]. Башкиры и татары в основном исповедовали ислам; русские, украинцы, белорусы – православное христианство; удмурты, марийцы были носителями традиционных верований (язычество). Для полукочевников-башкир мечетью могла служить не только отдельная постройка, но и жилище муллы [3, с. 499].

Конфликты интересов

Партийное руководство республики в 1920-е годы, судя по документам того времени, было укомплектовано кадрами из русских [10, ф. 122, оп. 1, д. 6, л. 24–27], «вероятно, как наследие ревкомов, не доверявших башкирам, которые перешли на сторону советской власти лишь в феврале 1919 года» [1, с. 64]. В постановлениях башкиры и татары чаще всего указывались как «татбашкиры», «т. б. население», а их родной язык – «татаро-башкирский», то есть для руководства не было большой разницы между двумя народами.

Давнее проживание башкир вместе с другими народами (со второй половины XVI в., после присоединения края к Русскому государству) научило местное население решать межэтнические конфликты и жить под руководством русских губернаторов, кантонных начальников и т. д. Башкиры вместе с другими этносами защищали интересы страны (Ливонская война 1558–1581 гг., крымские и азовские походы конца XVII в., Русско-французская война 1806–1807 гг., Отечественная война 1812 г. и многие др.). При этом, по исследованиям А.Ш. Ярмуллина, в годы Гражданской войны у башкир руководителями войсковых подразделений нередко назначались священнослужители, так как у солдат они пользовались большим авторитетом и помогали решать военно-организационные задачи [16]. Однако после окончания войны перед властью стояли совсем другие проблемы.

Так, советская власть ставила задачу «революционизировать» башкир и местных татар, но она сталкивалась с «религиозным фанатизмом», о чем нередко говорилось в документах партии и комсомола [10, ф. П-341, оп. 1, д. 13, л. 125]. Национальная интеллигенция так не считала: «Среди башкир нет обычного магометанского фанатизма. Они слабые ревнителю Корана, частенько отступают от его догматов и предписаний <...>. Несмотря на такую слабую религиозность масс башкир, можно отметить, что относятся с глубоким почтением к своему духовенству» [2, с. 11].

По мнению автора статьи, почтительное отношение к духовенству связано с проявлением уважения башкир в целом к образованным людям, а нежелание принимать новые порядки – с силой многовековых традиций. «Фанатизм» башкир власти использовали в своей политике и объясняли тем, что дети мусульман учатся у мулл, молодежь «крепко стиснута в тисках религии» [10]. Поэтому первоначально надо решить проблему перехода на светское образование и избавления от услуг мусульманского духовенства.

Насильственное закрытие медресе в 1923–1924 годах, в том числе в отдалённых деревнях Башкирии, приводило к недовольству мусульман [10, ф. 122, оп. 4, д. 37, л. 79]. В середине 1920-х годов руководство республики взяло курс на «ослабление нашего подхода к народу», соглашаясь на издание журнала «Ислам» и открытие школ. Особый резонанс имело решение ВЦИК от 9 июня 1925 года о возможности открытия религиозных школ [10, ф. 122, оп. 4, д. 37, л. 55]. Реакция на последний факт в некоторых селениях республики описана следующим образом: «6 марта 1925 г. в Кармаскалах Уфимского кантона на собрании мулл и верующих было объявлено, что КИК дал разрешение на открытие религиозной школы. Настроение верующих резко изменилось в лучшую сторону. Как со стороны мулл, так и со стороны верующих посыпались хвалебные и приветственные отзывы по адресу Советской власти» [10, ф. 122, оп. 4, д.

37, л. 56]. То же отмечено в двух башкирских деревнях Чишминской волости Уфимского кантона и в одной деревне Верхне-Учалинской волости Тамьян-Катайского кантона [14, ф. 122, оп. 4, д. 37, л. 56].

В целом ислам под натиском агрессивной пропаганды и широкомасштабных мер, предпринимаемых советской властью, терял прежнее значение. Значительная часть молодежи, прежде всего в городах и кантонных центрах, увлекалась идеями революции, посещая мечети в основном в праздничные дни [10, ф. 122, оп. 4, д. 37, л. 172 об.]. Многие вступали в кружки, действовавшие при сельских клубах, «Союзы воинствующих безбожников» («Безбожник»). Распространялась газета «Безбожник» (с дек. 1922 г. по июль 1941 г.) [10, ф. 122, оп. 4, д. 37, л. 87]. Старшее поколение сохраняло прежние традиции, а молодежь вливалась в ряды строителей нового общества, в результате чего активизировался конфликт поколений, что было крайне удобно властям.

Конфликт между религиозными структурами и властью был связан и с привлечением башкирских женщин на сторону советской власти. С одной стороны, власть старалась их увлечь своими идеями, говоря о беззащитности восточной женщины: «Выходя замуж, женщина становилась полной рабой своего мужа. Этому положению особенно способствовала религия. Кроме того, башкирская женщина совершенно не умела вести самостоятельное хозяйство, она была приучена исключительно к кухне, дальше которой она не шла и ни о чем не думала» [10, ф. 122, оп. 4, д. 37, л. 171 об.]. Работала антирелигиозная комиссия по изучению влияния мусульманского духовенства на женщин [10, ф. 122, оп. 5, д. 201]. Впрочем, власть Башкирии заявляла также о беспомощности и темноте не только башкирских, но и русских, чувашских и женщин иных национальностей [10, ф. 122, оп. 4, д. 37, л. 166 об.]. Мусульманское духовенство также проводило работу с женщинами. В рамках Центрального духовного управления мусульман (переим. в 1917 г. в Оренбургское духовное магометанское собрание) уже в первый год советской власти действовал своеобразный «женотдел». Методом воздействия на женское население со стороны религиозных деятелей стала экономическая помощь. Башкиркам, посещавшим мечеть, муллы давали сепараторы, помогали деньгами и лекарствами, за частое посещение мечетей, кружков при мечетях выдавали премии [9, с. 170].

Основными лозунгами, под которыми муллы проводили работу, были: ликвидация загса, передача его функций мусульманскому духовенству, увеличение количества религиозных школ, освобождение мулл от налогов, предоставление духовенству гражданских прав, сохранение старых форм семейного права. В «схватке с религией» перелом в сторону советской власти произошел лишь к концу 1920-х годов, о чем говорят статистические данные. В 1928 г. численность башкирских женщин в Башкирской областной партийной организации составляла уже 8,1 %, в 1930 г. – 12,6 %, в 1932 г. – 20 % [9, с. 229]. Башкирские женщины стали депутатами, руководителями предприятий и организаций, многие из них в традиционном обществе осуждались.

Еще один конфликт был связан с противоречиями внутри мусульманских общин. В документе 1925 г. читаем, что в среде мусульман татары и башкиры имеют «свои группировки», которые объединяются Центральным духовным управлением мусульман (ЦДУМ), «работающим под лозунгом объединения всех мусульман внутренней России и Сибири», и Башкирским духовным управлением (БДУ), которое ведет «работу как раз под обратным лозунгом полной автономии духовенства Башкирии. Взаимоотношения указанных духовных управлений натянутые» [10, ф. 122, оп. 4, д. 37, л. 56]. Ставилась задача усиления разногласий между ЦДУМ и БДУ, в том числе используя ресурсы республиканской прессы, для борьбы с исламом в целом [10, ф. 122, оп. 4, д. 37, л. 87].

Аналогичная ситуация наблюдалась между раскольниками и «обновленцами» у православного населения республики. Если в Бирском, Белебеевском и Месягутовском кантонах «обновленческое движение довольно сильное <...>, в других кантонах –

наоборот» [10, ф. 122, оп. 4, д. 37, л. 54], повсеместно «наблюдается брожение как среди духовенства, так и среди верующих масс» [10, ф. 122, оп. 4, д. 37, л. 54]. «В связи с происшедшим церковным расколом влияние православного духовенства на крестьянские массы ослабло, чему еще содействовали различного рода воззвания, издаваемые той или иной группой, в которых дискредитируют друг друга. По замечанию самих же попов, число верующих за последнее время уменьшилось на 50 %. <...> Церкви посещаются исключительно только старухами и стариками. Молодежь церковь совершенно не посещает. <...> Случаи обхода различного рода религиозных обрядов наблюдается почти повсеместно» [10, ф. 122, оп. 4, д. 37, л. 55].

Антирелигиозные праздники

Расслоение общества, расшатывание прежних устоев жизни облегчали решение задачи формирования «красной» (революционной) обрядности. Для вовлечения тюркского (мусульманского) населения в единый поток строителей нового общества по всей стране, в том числе в Башкирии, в 1920-х годах при обкомах партии развернулась работа специальных комиссий. Они определяли возможность модернизации старых праздников в контексте идей революции и / или предлагали взамен старым установить новые даты, связанные с вождями и революционными событиями в России и мире. Популярный у населения сабантуй (праздник плуга: *сабан* – плуг, *туй* – праздник) предлагалось «использовать в интересах партии при надлежащем руководстве со стороны местных организаций <...> приспособить к современным условиям и обогатить введением новых номеров в программу игр и развлечений» [10, ф. 122, оп. 4, д. 37, л. 170, 173 об.]. Но Мавлют-байрам (день рождения пророка Мухаммеда) рекомендовалось заменить днем объявления автономии Башкирии: «8 ноября 1917 года Башкирия объявила себя автономной, и чем праздновать Мавлют-байрам или какое-нибудь введение в заблуждение нации, запишем этот праздник нации в наши рабоче-крестьянские святцы» [4]. Аналогично комиссия советовала вместо «благовещенья с посещением Девы Марии» [4] проводить праздник 8 Марта, Вознесенье и Троицу заменить праздником Интернационала.

Однако от идеи замены отказались, а решили вместо этого организовывать по своему содержанию антирелигиозные праздники и на начальном этапе без прямой увязки с датами мусульманского праздничного календаря. В пример можно привести «Комсомольский байрам», проведенный уфимскими рабфаковцами 18 мая 1923 года с пометкой «хотя среди них башкир были единицы» [8]. В наполненном до отказа зале был озвучен доклад, показана пьеса о похождениях святых (ишанов), антирелигиозная живая газета и дан концерт. Члены союза Абрахманов, Кушаев и Аллаяров сделали заявление, встреченное «громом аплодисментов и интернационалом», о переименовании имен и фамилий, связанных с религией [8].

Примечательно, что при подготовке теперь уже к «комсомольскому» Ураза-байраму и Курбан-байраму для населения лекции читались непременно на «татаро-башкирском» языке, с одной стороны, в связи с незнанием многими русского языка, а с другой – с целью психологического сближения тюркских этносов. В циркулярах партии отмечалось, что выступать с критикой ислама могли лишь сами башкиры и татары. Накануне праздников рекомендуемая тематика лекций носила просветительский и антирелигиозный характер: «Происхождение земли и жизни на ней», «Происхождение человека», «Происхождение религий и богов и их роль в человеческом обществе», «Борьба религий с наукой», «Ислам – продолжение старых религий (иудейской, христианской)», «Шариат как закон, охраняющий интересы торговой буржуазии и арабских феодалов времен Магомеда», «Противоречия шариата», «Религия и коммунизм» [10, ф. 341, оп. 1, д. 8, л. 75]. Согласно инструкции, составленной

специально для организации и проведения «комсомольского» Курбан-байрама, основной замысел всей этой антирелигиозной кампании заключался в объяснении «бесмысленного, а в условиях после голодного периода прямо преступного уничтожения скота» [10, ф. 341, оп. 1, д. 7, л. 45]. Основная тема лекций: «Курбан – уничтожение сельского хозяйства». Подчеркивалась необходимость представить статистические данные, диаграммы, показывающие численность скота до и после войны и голода. Самое важное при проведении мероприятий – «задача отвлечения молодежи и населения от посещения в этот день под предлогом собраний и т. п.» [10, ф. 341, оп. 1, д. 7, л. 45].

На собрания, посвященные итогам проведенных кампаний в Стерлитамакском кантоне, приходили даже священнослужители; в Аргаяшском районе отношение к кампании зафиксировано как «сочувственное». В Уфимском кантоне из-за слабости и малочисленности ячеек с татаро-башкирским населением в первые годы антирелигиозные праздники не проводились [НА РБ, ф. 341, оп. 1, д. 8, л. 96]. Особый размах праздники получали в городах республики (Уфа, Стерлитамак). Там, как правило, несколько тысяч человек приходили на спектакли и лекции. Считалось большим достижением, если активисты по случаю торжества не посещали мечеть. На «комсомольском» Курбан-байраме в Стерлитамаке ритуал стал исполняться по-новому: жертвоприношение шло не в пользу мулл, как было здесь принято, а в пользу воздушного флота [НА РБ, ф. 341, оп. 1, д. 7, л. 44, 44 об, 45, 45 об., 46]. «Комсомольский» Мавлют-байрам успешно прошел в Уфе, Бирске, Белебее, Стерлитамаке. Как и другие антирелигиозные праздники, он представлял собой общественно-политическое мероприятие с докладами, лекциями, митингом-концертом и митингом-спектаклем. По итогам мероприятия «в 1924 году в общем Мавлют прошел по области успешно и сделал большой удар по мусульманской религии, в особенности он открыл глаза молодежи...» [10, ф. П-341, оп. 1, д. 13, л. 185].

Борьба с калымом и многоженством

Советское законодательство поставило цель искоренить народные обычаи, в том числе разрешенные шариатом калым и многоженство (Постановление «О дополнениях к Уголовному Кодексу для Автономных республик и областей» от 16 октября 1924 года; Уголовный кодекс РСФСР 1926 года и др.), предусматривая за неповиновение наказание вплоть до лишения свободы или исправительно-трудовые работы. Однако руководство Башкирской республики вплоть до конца 1920-х годов было бессильно в окончательном решении поставленной проблемы, особенно в Зилаирском, Тамьян-Катайском, Месягутовском и Аргаяшских кантонах, несмотря на привлечение к работе партийных и комсомольских работников, меры по популяризации советского законодательства и проведению показательных судов [10, ф. 122, оп. 6, д. 13, л. 59, 60]. Особенно сложно было работать в Башкирском Зауралье, где башкиры продолжали вести полукочевой образ жизни, сохраняя традиционный уклад. Партийные документы указывали на необходимость отказа от обычаев калыма в интересах прежде всего бедноты. В 1925 году в одном из документов отмечалось: «Калым еще процветает <...>. Благодаря именно калыму особенно трудно бывает жениться бедноте. Нужно дать в калым несколько голов скота (обычно от 3 до 8), да 100–200 рублей деньгами, да еще устроить свадьбу на 15–20 семейств. Для этого иногда приходится батраку прослужить предварительно несколько лет, потом после калыма опять идти в батраки на несколько лет или навсегда, ибо после женитьбы для того, чтобы зажить с женою, требуются средства, которых он должен снова зарабатывать, только живя в батраках с женою. Так что у башкир не так-то легко жениться» [10, ф. 122, оп. 4, д. 37, л. 59, 60].

Агитационно-пропагандистскую работу вела пресса, которая фиксировала и резко критиковала случаи многоженства, калыма, а также кражи невесты. На примере с. Дюртюли отмечалось: «У нас до сего времени среди населения существует обычай умыкания, то есть воровство девушек в жены против ихнего желания. Необходимо женотделу взяться за просвещение женщин» [14].

В результате обычаи не исчезли, а лишь адаптировались к новым условиям. Вместо того чтобы давать *калым* / *калын* (калым) в пользу родителей невесты, стали готовить *маһар* (махр), который является денежным или материальным эквивалентом и выплачивается стороной жениха за невесту во время никаха как средство для ее обеспечения. В отличие от калыма махр законом не запрещался. Более того, в ряде случаев его размер вписывался советским нотариусом в брачный контракт [7, с. 180]. Махр и сейчас выплачивается у башкир, татар, луговых мари [15, с. 89] и некоторых других народов.

Многоженство также приспособилось к советскому законодательству. После вступления в силу законодательства РСФСР в октябре 1924 года башкиры-многоженцы лишь формально в суде оформляли развод с другими женами, на деле продолжая жить вместе [10, ф. 122, оп. 4, д. 37, л. 102 об.]. Причина заключалась в том, что «идти им некуда», за них уплачен калым, а самое главное – их брак скреплен религиозным обрядом никаха. Многоженцев-коммунистов исключали из партии, о чем время от времени сообщала пресса [13]. Решить проблему было сложно, так как башкирки зависели от своих мужей: «Многоженство (даже среди членов партии), калым, умыкание и проч. до сих пор еще крепко держатся в крестьянстве, особенно там, где сама крестьянка не восстает против этого. Предпосылки к этому – экономическая зависимость и несамостоятельность женщины, ее численное преобладание, ранняя выдача замуж» [10, ф. 122, оп. 3, д. 24, л. 231 об.].

В документах Башкирского обкома партии 1925 года: «В силу экономической бедности башкирского населения <...> приходилось местами слышать из уст самих женщин утверждение возможности и даже целесообразности многоженства, исходя из чисто экономической необходимости имения в хозяйстве рабочих рук (молодую хозяйку) при старости старших жен» [10, ф. 122, оп. 4, д. 37, л. 88]. Причины сохранения многоженства – экономическая бедность после гражданской войны и голода 1921–1922 гг. в Уфимской губернии, дисбаланс мужского и женского населения в пользу последних. Шла интенсивная миграция женского населения в города, в то время как мужчины оставались в деревнях [7, с. 179–180].

По материалам Н.В. Бикбулатова, полигиния у башкир сохранялась до 1950-х гг. [12, с. 203]. Впрочем, и в начале XXI в. такие случаи не редкость. Некоторые религиозные деятели, депутаты, в том числе представители женских организаций Башкортостана, присоединяются к движению, охватившему регионы страны, по легализации на законодательном уровне древнего обычая. В 1920-е г. башкирки-активистки, напротив, категорично выступали против обычая.

Заключение

Революция 1917 года и меры государства по строительству нового общества, в котором нет места религиозным и этническим различиям, расшатали прежние устои жизни и религиозную идентичность. Мечети и мусульманские школы закрывались, священнослужители подверглись репрессиям, многие были расстреляны. Развернулась деятельность клубов (место для проведения политической агитации, в том числе на молодежной свадьбе). Зрелищность и высокие идеи вовлекали все больше молодежи в свой водоворот. Помимо «комсомольских» Ураза-байрам, Курбан-байрам и Мавлют-

байрам как форм агитационно-политического мероприятия проводились: «красные» свадьбы, «революционные» крестины, гражданские похороны.

Однако меры государства не привели к полному отказу от веры и обычаев, а лишь адаптировали к новым условиям. По нашим полевым исследованиям, даже в самые суровые годы борьбы с религией в башкирских и татарских селениях люди продолжали проводить никах, имьянаречение и прощание с умершим по канонам ислама в узком кругу людей, близких родственников. От традиционных ритуалов не отказывались даже партийные и комсомольские работники, хотя при этом они рисковали карьерой. Они адаптировались к действительности, с одной стороны, агитируя общественность бороться с религией и ее проявлениями, но на деле продолжая традиции предков. Заккрытие мечетей способствовало усилению роли семейного и кланового религиозного воспитания, перемещению места проведения ритуалов из мечети в дома. Там, где семейные традиции были сильными, их транслирует и современная молодежь.

Смена государственной идеологии в начале 1990-х годов показала, что башкиры и татары имеют желание и возможность развивать религиозную идентичность и культуру. С большим размахом на государственном уровне проводятся мусульманские обряды и праздники. Никах стал важнейшим ритуалом в свадебной обрядности башкир и татар; нередко он заменяет цикл свадебных обрядов. В то же время как наследие революционного времени немало и тех, кто считает себя атеистами либо обращается к правилам шариата лишь по случаю (выполнение воли родителей) или в переходные периоды жизненного цикла (беременность, рождение ребенка). Повсеместно в башкирских селениях работают мечети, но, по полевым материалам автора последних лет, они нередко посещаются лишь по случаю религиозных праздников.

Литература

1. 18 февраля 1919 года. Материалы и документы по истории перехода Башкирии на сторону Советской власти. – Уфа: Типолиитография Башпрома «Октябрьский натиск», 1923. – 68 с. (Материалы общества по изучению Башкирии).
2. *Амиров Д.Г.* Башкиры // Труды научного общества по изучению быта, истории и культуры Башкирии. Вып. 1. – Стерлитамак, 1922.
3. *Башкиры / отв. ред. Р.Г. Кузеев, Е.С. Данилко.* – М.: Наука, 2017. – 662 с. (Народы и культуры).
4. *Верхоторский М.* Новый быт // Власть труда. – 1923. – 21 окт.
5. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 4: Вятский район, Уральская область, Башкирская АССР. Отд. 1. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность / ЦСУ СССР, Отд. переписи; предисл. М.П. Красильникова, О.А. Квиткина, М.Р. Ходоса. – М.: Издание ЦСУ СССР, 1928. – 423 с.
6. *Галиева Ф.Г.* Модель ислама у башкир по материалам этнографического исследования кладбищ и намогильных сооружений // *Исламоведение.* – 2018. – № 1. – С. 42–53.
7. *Гинятуллина Г.Г.* Национально-религиозные традиции в брачно-семейных отношениях башкир в 1920-е годы // *Россия и Восток. Взаимодействие стран и народов.* – Уфа, 2015. – С. 179–180.
8. *Кушаев.* Комсомольский байрам // *Свет.* – 1923. – № 9. – С. 38.
9. *Надеждина В.А.* Коммунистическая партия – организатор вовлечения женщин в социалистическое строительство. 1928–1937 гг. (по материалам партийных организаций Башкирской АССР): дис. ... д-ра ист. н. – Л., 1985. – 234 с.
10. Национальный архив Республики Башкортостан. – Ф. 122. – Оп. 1-6; Ф. 341. – Оп. 1-2.
11. *Пономаренко В.* Долой мулл, раввинов и попов! // *Свет.* – 1923. – № 9. – С. 33.

12. Семейный быт народов СССР. – М.: Наука, 1990. – 520 с.
13. Список исключенных из партии Областной контрольной комиссией по Стерлитамакскому кантону // Власть труда. – 1924. – 9 дек.
14. Укияз. Надо сбить старый быт с копыт. (Село Дюртюли) // Власть труда. – 1924. – 9 авг.
15. Янмурзина Л. Обряды семейного цикла мари в контексте теории обрядов перехода (на примере восточных мари). – Тарту, 2011. – 240 с.
16. Ярмуллин А.Ш. Институт полевых мулл в башкирских войсках в годы Гражданской войны // Проблемы востоковедения. – 2010. – № 3 (49). – С. 76–81.

References

1. 18 fevralya 1919 goda. Materialy i dokumenty po istorii perekhoda Bashkirii na storonu Sovetskoj vlasti [February 18, 1919. Materials and Documents on the History of the Transition of Bashkortostan to the Side of Soviet Power]. Ufa, 1923. 68 p. (In Russian)
2. Amirov D.G. Bashkiry [The Bashkirs] *Trudy nauchnogo obshchestva po izucheniyu byta, istorii i kul'tury Bashkirii* [Proceedings of the Academic Society for the Study of Life, History and Culture of Bashkiria]. V. 1. Sterlitamak, 1922 (In Russian)
3. Bashkiry [The Bashkirs] / *otv. red. R.G. Kuzeev, E.S. Danilko*. Moscow, Nauka, 2017. 662 p. (Narody i kul'tury) (In Russian)
4. Verhotorskiy M. Novyj byt [New Life] *Vlast' truda* [The Power of Labor]. 1923, October, 21 (In Russian)
5. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda [All-Union Population Census of 1926]. V. 4, S. 310–310. Moscow, 1928 (In Russian)
6. Galieva F.G. Model' islama u bashkir po materialam ehtnograficheskogo issledovaniya kladbishch i namogil'nyh sooruzhenij [The Pattern of Islam among the Bashkirs Produced through Ethnographic Investigation of Cemeteries and Tomb Constructions] *Islamovedenie* [Islamic Studies]. 2018, № 1, S. 42–53 (In Russian)
7. Ginyatullina G.G. Nacional'no-religioznye tradicii v brachno-semejnyh otnosheniyah bashkir v 1920-e gody [Ethnic-Religious Traditions in Marriage and Family Relations of the Bashkirs in the 1920s] *Rossiya i Vostok. Vzaimodejstvie stran i narodov* [Russia and Orient. Interaction of Countries and Peoples]. Ufa, 2015. S. 179–180 (In Russian)
8. Kushaev. Komsomol'skiy bajram [Komsomol Holiday] *Svet* [Light]. 1923, № 9, S. 38 (In Russian)
9. Nadezhdina V.A. *Kommunisticheskaya partiya – organizator вовлечения zhenshchin v socialisticheskoe stroitel'stvo. 1928–1937 gg. (po materialam partijnyh organizacij Bashkirskoj ASSR)* [The Communist Party as the Organizer of the Involvement of Women in Socialism Building. 1928–1937 (based on the materials of party organizations of the Bashkir ASSR)]. Dissertation of doctor of historical Sciences. Leningrad, 1985. 234 s. (In Russian)
10. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Bashkortostan* [National Archive of the Republic of Bashkortostan]. Funds 122. S. 341 (In Russian)
11. Ponomarenko V. Doloj mull, ravvinov i popov [Down with the mullahs, rabbis and priests] *Svet* [The Light]. 1923, № 9. S. 33 (In Russian)
12. *Semejnyj byt narodov SSSR* [Family Life of the Peoples of the USSR]. Moscow, Nauka, 1990. 520 p. (In Russian)
13. Spisok isklyuchennyh iz partii Oblastnoj kontrol'noj komissiej po Sterlitamakskomu kantonu [List of People Expelled from the Party by the Regional Control Commission for Sterlitamak Canton] *Vlast' truda* [The Power of Labor]. 1924, December, 9 (In Russian)
14. Ukiiazets (1925). Krasnaia svad'ba v derevne [Red Weddings in Villages]. *Krasnaia Bashkiriia* [Red Bashkirya]. 1925, March, 31 (In Russian)

15. Yanmurzina L. *Obryady semejnogo cikla mari v kontekste teorii obryadov perekhoda (na primere vostochnyh mari)* [Rites of Mari's Family Cycle in the Context of the Theory of Rites of Passage (through the Example of Eastern Mari People)]. Tartu, 2011. 240 s. (In Russian)

16. Yarmullin A.SH. Institut polevyh mull v bashkirskih vojskakh v gody Grazhdanskoj vojny [Institute of Field Mullahs in the Bashkir Troops during the Civil War] *Problemy vostokovedeniya [Issues of Oriental Studies]*. 2010, № 3 (49). S. 76–81 (In Russian)